

СКУРИХИН
СЕРГЕЙ

РОСА

СЛЁЗЫ ЗЕМЛИ

16+

Сергей Леонидович Скурихин

Роса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68263015

SelfPub; 2022

Аннотация

«Роса – это слёзы земли», – сказал ей когда-то отец. Повзрослев, она поняла, что значат эти слова... [Шорт-лист конкурса "В одном чёрном-чёрном городе" от ЛитРес: Самиздат, 2022]

Сергей Скурихин

Роса

Редкие ягоды алели на зелёном покрывале мха, словно капли крови, упавшие с раненого зверя. Самые спелые оставляли после себя липкий красноватый след, и Савка время от времени вытирала кончики пальцев о край подола. Погрузившись с головой в собирательство, девушка вспоминала свой первый приход в лес, когда её совсем ещё ребёнком привёл туда отец...

– Ой, мокро! – Савка опасно отдернула детскую ручку от ягодного куста и посмотрела вверх на отца.

– Это роса. Срывай, не бойся, – успокоил тот.

– Роса, тятя? – переспросила малая.

– Да, Савка, роса. Слёзки земли...

Отец её потом сгинул в лесу, не вернувшись с охоты, поэтому тёплые воспоминания о том далёком ягодном дне всегда оставляли в девичьей душе осадок печали.

Савка набрала почти полный туесок, когда со стороны родной деревни, что стояла у речного берега, донеслись крики. Эхо тех звуков дробилось и приглушалось лесными деревьями, и собирательница ягод невольно замерла прислушиваясь.

Деревня ждала возвращения мужчин-охотников, и, судя по громким крикам родичей, добыча выдалась доброй. Савка закрыла туесок и заторопилась обратно по многожды хоженным тропам. Но чем ближе она подходила к селению, тем большая тревога сжимала её сердце. Плачи, хрипы и стоны, что стали слышны уже отчётливо, никак не походили на звуки людской радости. В десяти шагах от опушки Савка остановилась и спряталась в зарослях кустарника. Снаружи она, скрываемая полумраком леса, была едва различима для любопытных глаз, но сама же видела деревню как на ладони.

Несколько родичей недвижимо лежали на земле, а вокруг них сидели перепачканные дети и женщины в разорванных одеждах. Между домами сновали оружные чужаки в звериных шкурах. Лица их были обветренны, а обнажённые мечи влажно темнели на солнце. Чужаки по-хозяйски выводили коз из хлевов, ловили перепуганных куриц, тащили на плечах куски вяленого мяса. Какой-то деревенский малец, Савка не смогла узнать его со спины, шёл по улице как слепой котёнок, натываясь на лиходеев и путаясь у тех под ногами. Один из чужаков гаркнул на него и оттолкнул от себя ударом меча. Малец согнулся пополам и ничком упал на землю.

«Беги! Беги! Беги!» – дятлом застучало в висках Савки, и, пятясь назад, девушка осторожно выбралась из кустарника. Спешно, но стараясь не шуметь, Савка уходила от деревни. Она держалась реки, не углубляясь в чащу, так как помнила рассказы отца про лютых зверей, что одним ударом когти-

стой лапы могли вспороть человеку живот. Савка уже миновала ягодную полянку, где была совсем недавно, как путь ей преградил небольшой болотистый затон. Пришлось его оги-
бать, забирая вправо.

Крики из деревни сюда уже не доходили. Вокруг стоял глухой лес, который жил своей жизнью – жизнью неизвестной, пугающей и непонятной. Ему не было дела до людских страданий, он лишь равнодушно позволял представительнице рода человеческого идти по мягкому покрову из прошлогодних хвои и листьев. Впрочем, позволял до поры до времени.

Савка почти обогнула затон, когда за ближним рядом деревьев послышался утробный рык: что-то большое, тёмное и остро пахнущее стояло за стволами. Девушка знала, что голодный зверь рычать не станет, а бросится на добычу сразу. Это только зверь сытый или самка с детёнышем сначала намекает непрошеному гостю, чтоб тот убирался по добру, по здорову. Но страх советчик плохой, зато погонщик хороший. В ужасе Савка бросилась в сторону реки. Продираясь меж еловых лап и оступаясь на выпирающих из земли корнях, она наконец-то выбралась из чащи на узкий берег. Там она упала, поползла дальше на карачках и, когда вода достала ей до плеч, поплыла.

Чем дальше от берега, тем вода становилась холодней, и уже не одна волна судороги прокатилась по девичьему телу. Силы быстро покидали её, а ставшие непослушными ноги

сводило нестерпимой кручёной болью. Савка забарахталась, закрутилась, хлопая руками по воде и поднимая брызги, но речной бог и не думал выпускать её из своих объятий. Она же с гибельным отчаянием боролась за каждый лишний миг жизни.

Но Савка не ведала и не могла ведать того, что набег на её деревню был коротким, и, загрузив награбленное, чужаки сразу легли на вёсла. Не могла она видеть и уродливую башку на носу их ладьи, что уже вынырнула из-за речного изгиба. Как не могла она видеть и знать того, что двое лиходеев, заметив её тонущую, разом прыгнули в воду. Вот только сделали они это не ради спасения живой души, а ради удали молодецкой да дурного спора.

Савка, перед тем как пойти на дно, услышала крики, свист и чередующиеся всплески. Потом чья-то сильная рука схватила её за волосы и рванула вверх, разворачивая одновременно лицом к свету. Дальше перед глазами Савки поплыли цветные пятна, которые вскоре сменил чёрный провал забвения. Так она попала на ладью, так она стала рабыней...

Разбойничье судно шло вниз по течению несколько дней. Поначалу Савку выворачивало от качки, и она бледная, перегнувшись над водой, кормила рыб остатками своей и без того скудной пищи. Правда, потом привыкла, как привыкла и к козлиному запаху чужаков, и к ноющей боли внизу живота.

Кроме Савки, невольников больше не было. Места и так

едва хватало для скотины, тюков и пустых бочек, не говоря уже о ватаге головорезов. Лес всё тянулся нескончаемой стеной вдоль берегов, и Савка, привязанная одной ногой к щегле, впала в безразличие к миру. Она только жалела, что не смогла утонуть, ведь тогда досталась бы одному лишь речному богу, а не всей вонючей толпе.

Когда ладья наконец-то причалила к берегу, Савка подняла отрешённый взгляд от дощатого дна и увидела за частоколом большое селение, что тянулось вверх по пологому взгорью. Здесь её теперешние хозяева нападать не решились, а стали вести торг. Рядились они с местными долго и ожесточённо, и Савке было не понятно, что скрывали грубые гортанные крики разбойников: одобрение, несогласие или просто азарт? Потом один из лиходеев поднялся на ладью за Савкой. Он освободил её от верёвки и вытолкнул на берег. Там к ним подошли две женщины в богатых одеждах. Одна из богачек осмотрела у Савки зубы, потом бесстыдно задрала ей подол. Затем эта женщина сдержанно кивнула чужаку, а её прислуга выкатила за рабыню бочонок с медовухой.

Так Савка осталась в селении. Местные, в отличие от речных разбойников, говорили на понятном ей языке. Бывшей невольнице сказали, что она станет наложницей князя, и отвели в просторный, но мрачноватый терем. Хозяин здешних земель оказался глубоким стариком, жизнетворный огонь в чреслах которого давно угас, а с его многочисленными наложницами почти в открытую, не таясь, забавлялись князе-

вы сыновья и дружинники. Сам же старый князь давно стал равнодушен ко всему земному, кроме хмеля, и ждал одного – встречи со своими славными предками. К счастью, разделить с ним ложе Савке так и не довелось, и она просто прислуживала в княжеском тереме, помогая женщинам по хозяйству и благодаря тех за кров и за хлеб. Но главное: она снова могла теперь заниматься делом по сердцу – ходить в лес за ягодами...

Дни стояли сухие, и брусника к осени уродилась богатая. Леса оделись в золото и багрянец, даже хвоя ёлок и сосен будто бы стала понаряднее. Савка и раньше дивилась на эту извечную и могучую красоту, и каждый раз шла в лес как в божественный чертог. Она чувствовала себя в нём гостьей, но гостьей кроткой и разумной. Она брала у леса лишь малое и, даже когда возвращалась обратно, старалась ступать по своим же следам, чтобы не тревожить духов понапрасну. А лес всё видел и понимал, и оберегал ягодницу от разных напастей: от случайного зверя, от ядовитого змея, от не приметного сучка, что мог поранить ногу.

Со временем Савка словно сроднилась с лесом. Её перестали пугать и скрип стволов на ветру, и неразборчивый шёпот листьев, и странные вздохи, доносившиеся из чащобы. Всё больше и больше она укреплялась в мысли, что здесь ей лучше и покойнее, чем с людьми. И всё чаще она возвращалась в селение с неохотой, с тоской по новой встрече с лесом.

Первые заморозки Савку не остановили, да и князевы жё-

ны любили подмёрзшую ягоду, ведь та делалась сладкой. Только когда снег стал лежать уже выше щиколоток, Савка перестала ходить в лес. А как перестала ходить, так и захворала сразу, и всю оставшуюся зиму пробилась в лихоманке. Благо, бабки-травницы спасли – отпоили отварами. Уже по весне Савка оздоровела так, что могла вставать и подолгу бывать на ногах.

По весеннему теплу хворь отступила окончательно, и Савка пошла в лес за вытаявшей ягодой, что не успела собрать до большого снега. Она обошла все свои полянки и потайные места, но везде было пусто, словно корова языком слизала. Только под вечер Савка вернулась в селение, едва не плача от досады и усталости. А ночью той случилась беда куда хуже.

С утренними лучами солнца терем и двор огласились истошными бабьими криками. Умер-таки старый князь, и в его родовом подворье начались сутолока и гомон. Старшие женщины велели Савке не путаться под ногами, но из терема никуда не уходить. И она затаилась в дальнем углу, чтоб меньше слышать плачи с воплями и невольно не вспоминать про тот страшный день, когда лиходеи напали на родную деревню. Там, в тёмном углу, её и нашли дружинники.

Когда Савку вывели из терема за частокол, на берегу реки уже стоял чёлн на кладке из брёвен. Посередке челна высилось резное седалище с усопшим князем. Покойник был одет в дорогие наряды, а каждый его серый и скрюченный палец украшал перстень. Рядом с князем горкой лежали доспехи

и оружие, стояли бочки с хмелем. Всё место на корме судёнышка занимал мёртвый княжеский конь, а в сторону носа лежала корова с перерезанным горлом.

Внизу у челна толклись осиротевшие жёны и наложницы. Словно обезумев, они кричали дикими голосами и рвали на себе одежду и волосы. А чуть поодаль от них стоял жрец, и Савке показалось, что он смотрит только на неё одну. И когда Савка встретилась взглядом с его тёмными, будто пустыми, глазами, то сразу обо всём догадалась – она поняла для чего её вызволили из рабства и дали здесь пристанище. Сама судьба вела её к этому погребальному челну, и Савка, коротко обернувшись на лес, задрожала как лист на ветру.

«Кто пойдёт вслед за князем?» – громко спросил жрец, обращаясь к жёнам и наложницам. Но те будто не слышали его призыв и продолжали упиваться своим горем. И тут Савка неожиданно получила сильный толчок в спину, от чего она просеменила несколько шагов вперёд и упала прямо в ноги жреца. Тот помог ей подняться, потом опустил свою руку в лохань с жертвенной кровью и уже окровавленной ладонью коснулся лба девушки. Тут же подошла старшая жена князя, та самая, что за медовуху выкупила Савку, заглядывая ей в зубы и под подол. Княгиня накинула на девичью шею простую петлю, а верёвочные концы отдала двум дружинникам.

В глазах у Савки помутилось от удушья, а потом что-то острое и горячее стало часто-часто жалить её грудь и живот.

Хруст собственной шеи, которую дюжие молодцы свернули на раз, она уже не слышала. Предсмертные муки, хвала богам, длились совсем недолго, и Савку поглотила глухая тьма, в которой места для боли больше не было.

Её мёртвое тело, ставшее вдруг таким маленьким, положили у ног покойника. Затем брат князя, следующий по старшинству, поднёс к бревенчатой кладке факел. Огонь, поначалу несмелый, вскоре разошёлся и стал жадно облизывать языками пламени щедрое людское подношение. Дым от горящих дерева и плоти чёрным столбом поднимался к вечернему небу. Жители селения не расходились, они ждали последних углей и продолжения тризны по старому князю. Вдруг один малец из толпы удивлённо вскрикнул, указывая рукой на дым. И все увидали, что сквозь полотно чада пробилась светлая дымчатая струйка, словно первая седая прядь в чёрных как смоль волосах. Эта тонкая струйка отчаянно боролась с тёмными клубами, пока наконец не вырвалась из их душного плена. Вопреки воле ветра она, причудливо закручиваясь, распадаясь и вновь собираясь, полетела вверх по течению реки, словно стремилась туда, откуда несколько лун назад приплыла ладья с чужаками в звериных шкурах.

Светлая струйка удалялась всё дальше и дальше, и теперь только самый острый глаз мог различить её след на гаснущем небосводе. Но тут у кладки прогорели нижние венцы, и то, что осталось от погребального челна, с шумом и искрами рухнуло вниз. Селяне сразу же отворотили лица от неба и

забыли про странный белый дымок.

Неожиданно поднялся переменчивый ветер, и чад от пожарища заметался из стороны в сторону, ровно загнанный зверь. Жрец счёл это дурным знаком и приказал в жертву богам заколоть трёх коз. Их туши дружинники враскачку забросили в кострище, и ветер почти сразу стих.

А дымчатая струйка тем временем уже свернула с речной глади и витала меж верхушек лесных деревьев. Она будто искала чего-то в ночи и всё никак не могла найти. Натываясь в темноте на могучие сосны и вековые дубы, путаясь в ивняке, светлая струйка всё рвалась, металась и билась... Вскоре лес признал её, вспомнил. Раздвинул он еловые лапы, кряхтя развёл кряжистые стволы и показал-таки путь к заветной полянке. И струйка стремительно бросилась в этот едва освещенный луною проход. Туманной, стелющейся по земле дымкой она легла на поляну, чтобы навсегда остаться здесь росой – влагой прохладной и чистой.